

Семенов В.Д.,
Пермь

ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТОВ В ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЕЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.И. ГЕРЦЕНА

В данном сообщении автор ставит перед собой следующие три цели: 1) исследовать феномен немецкого менталитета, обусловивший значительное участие немцев в управлении императорской Россией; 2) рассмотреть данную проблему через призму взглядов А.И. Герцена; 3) проанализировать исторические истоки ограниченности взглядов А.И. Герцена по данному вопросу. Художественно-публицистическое наследие А.И. Герцена берется нами в качестве источниковедческой базы исследования по данной теме потому, что это целесообразно в плане снятия субъективных пристрастий автора. Как известно, мать А.И. Герцена немка, следовательно, его субъективные привнесения в рассмотрение данной темы обуславливаются прежде всего доктринальными революционно-демократическими взглядами, а не какими-то личными предубеждениями относительно этого народа, что могло быть характерно для других революционных демократов. А.И. Герцен не употребляет в своих работах понятие «национального менталитета». Данное понятие – научное достижение XX века. Для характеристики психологических черт немцев, отличающих их от русских он употребляет понятия «национальный характер», «несходство характеров, проявляющееся во всякой мелочи», характерное для русских и немцев и т.п. Затем он дает характерные черты немецкого национального характера, проявляющиеся в России на уровне их службы в министерствах и центральных канцеляриях, то есть высших органов управления России, и на уровне цехов и мастерских, то есть на местном, экономическом уровне.

Прежде чем анализировать их подробно, представляется целесообразным рассмотреть, во-первых, соотношение понятий «национальный менталитет» и «национальный характер», а во-вторых, соотношение объективного и субъективного в первом из названных выше понятий. Понятие «национального менталитета» является более разработанным, чем понятие «национального характера». Оно

включает в себя помимо тех черт «национального характера», которые представляют совокупность основных психических свойств и их особенностей, присущих в том или ином оригинальном сочетании определенной нации, такие присущие «национальному менталитету» черты, как преемственность, оценочный момент и самосознание. Названные черты, присущие немецкому национальному менталитету, отмечают А.И. Герценом, однако, без употребления данного термина. Он сурово клеймит немцев-чиновников за их «презрение и высокомерие» к народу, которым они управляют, который они совершенно «не знают» и который для них представляет всего лишь средство для исполнения их карьерных предначертаний установленных ими каждым для себя индивидуально. В этом смысле существенное значение имеет выделение А.И. Герценом объективных и субъективных социально-психологических качеств немцев, то есть таких, которые не зависят от индивидуальных носителей, а присущи всем немцам или громадному большинству их. В произведениях А.И. Герцена они соотносятся как содержание и форма. Он выделяет объективно существующие социально-психологические свойства менталитета, присущие немцам: 1) точность и бесстрашие машины; 2) молчаливость глухонемых; 3) стоицизм послушания при любых обстоятельствах; 4) усидчивость в работе, не знающая усталости; 5) известная честность, очень редкая среди русских; 6) полнейшее равнодушие к участи тех, которыми они управляют, далее, как бы усиливая это свойство и находя его недостаточным для характеристики немецкого менталитета, А.И. Герцен называет следующие качества: 7) глубочайшее презрение к народу, которым они управляют; 8) совершенное незнание русского национального характера. Указанные общие свойства немецкого национального характера (менталитета) в сфере производства дополнялись социально-психологической и бытовой несовместимостью немца-управляющего и русского крестьянина, горного мастера и рабочего. «Если мы перейдем от министерств и канцелярий в мастерские, – писал А.И. Герцен, – мы встретим тот же антагонизм. Русский работник у русского хозяина – почти член семьи; у них одни и те же привычки, одна и та же мораль и религия, они едят за одним столом и очень хорошо понимают друг друга». В результате этого, если хозяин «прибьет» работника, то он принимает «тумаки» с христианским «смирением», а бывает и так,

что работник дает «сдачи», но ни тот ни другой не пойдут жаловаться в полицию, иное отношение немцев в аналогичной ситуации. Немец непременно использует полицию и сделает все возможное и невозможное с ее помощью, чтобы довести крестьянина или работника «до белого каления», до такого состояния, когда он «жизни не рад».

«Хозяин-немец – не ровня русскому рабочему, – писал А.И. Герцен, – он считает себя скорее его начальником, чем хозяином; методичный по природе, хранящий обычаи своей страны, немец преобразует гибкие, неопределенные отношения между русским работником и его хозяином в строго определенные юридические, от которых не отступит ни на йоту. Постоянная требовательность немца, его нарочитая строгость, его холодный деспотизм тем более оскорбляют работника, что хозяин никогда не снизойдет до него. Даже мирный характер немца, даже предпочтение, которое он отдает пиву перед водкой, только усиливают отвращение, внушаемое им русскому работнику. Он не уважает немца потому, что у него больше ловкости и одаренности, чем у последнего. Он может много сделать сразу, но не усидчив в труде и не может приспособиться к однообразной, размеренной дисциплине немца. Данные различия закрепляются на бытовом уровне и становятся очень устойчивыми и перерастают в настоящую неприязнь в сфере трудовых отношений: «Хозяин – немец не потерпит, чтобы работник пришел часом позже на работу или ушел часом раньше. Головная боль с похмелья по понедельникам и баня по субботам, в его глазах, не оправдание. Немец записывает всякий прогул, чтобы сделать вычет из жалованья, быть может, самым справедливым образом, но русский работник видит в нем чудовищного эксплуататора, отсюда бесконечные споры и ссоры». А.И. Герцен натуралистично точно описывает отношения немца-хозяина и работника-русского в сфере производственно-трудовых отношений. Здесь все верно и с точки зрения формы, и содержания. Другое дело, сфера управленческо-политических отношений, изображаемая им. Здесь объективность содержания одевается в субъективный «костюм формы». Субъективность формы обуславливалась революционно-демократическими взглядам А.И. Герцена, необходимостью их пропаганды и популяризации, в результате чего объективно реальные черты немецкого национального менталитета облачаются в субъективно оформленные формы карикатуры и гротеска. Данный прием в изоб-

ражении немецкого национального характера заключается в том, что даже такие, казалось бы, позитивные черты немецкого национального менталитета, как вежливость подаются с такой иронией, чтобы вызвать у читателя усмешку. Он пишет, что в III-м Отделении «учтив» один Л.В. Дубельт, или «взяток у нас наивно не берут только немцы». Конечно А.И. Герцен понимал, что ни одна из перечисленных выше «партий» не олицетворяла прогресса. «Немецкая партия, — писал он, — не олицетворяла просвещения, как и русская не олицетворяла невежества». «Немцы тоже далеко не олицетворяли прогресса, — писал А.И. Герцен, — ничем не связанные со страной, которую они не давали себе труда изучить и которую презирали, считая варварской, высокомерные до наглости, они были раболепнейшим орудием императорской власти. Не имея иной цеди, как сохранить монаршее к себе расположение, они служили особе государя, а не нации». Именно это обстоятельство является основным мотивом для Герцена, для его порой гротескных зарисовок немецкого национального менталитета, а не те неприятные для русских повадки, которые вносили в деятельность бюрократического русского государственного аппарата, а именно, педантизм бюрократии, этикета и дисциплины, совершенно противоположный нашим нравам. Причем А.И. Герцен подчеркивает, что это вытекает только из несходства немецкого и русского менталитета (национального характера), так как других причин для недовольства, а тем более «отвращения» к немцам у русских нет. Они никогда не были покорены немцами, и если рыцари Тевтонского ордена покорили побережье Балтийского моря, то заселяли эту территорию «финские, а не русские племена». Поток немцев, обрушившихся на Россию из тридцати шести немецких княжеств был велик и потребность в нем была инициирована преобразованиями Петра I. История послепетровской императорской России характеризуется значительной ролью немцев в социально-политической жизни страны. Эта роль на протяжении двух последующих веков претерпевала известные изменения, оставаясь всегда значительной. Во всяком случае большей, чем удельный вес немцев в общей массе населения России. Начало данному процессу было положено Петром I, который резко ускорил перенимание европейских форм жизни «варварской Русью». Немцы оказались «подручным», удобным материалом для петровских преобразований именно в силу своего национального

менталитета. Для них была характерна величайшая преданность российскому престолу. «Во всей империи нет более верных императорской фамилии подданных, чем мы», — сообщил А.И. Герцену известный в Прибалтийском крае человек. Обилие немцев в правящих кругах России, их настоящее засилье в царствование Анны Иоановны вызвало недовольство верхушки русского дворянства и это облегчило «восшествие» на престол императрицы Елизаветы Петровны.

Однако при этом возникает вопрос: почему, несмотря на то, что русские императоры после смерти Елизаветы Петровны были, по крайней мере, с материнской стороны немцами, и в этом смысле они заняли на российском троне место вымерших русских бояр Романовых, почему несмотря на то, что в придворных кругах и в органах управления России было много немцев, немецкая культура и язык не стали второй официальной культурой российского дворянства? Почему русские дворяне изучали французский язык и хотели говорить по-французски, а не по-немецки? Почему они стремились ездить и ездили больше в Париж, а не в Берлин? Наконец, почему этому должны были следовать даже те немцы, которые занимали официальные посты на российском властном олимпе? Ответ на эти вопросы упирается в особенности, с одной стороны, немецкого и русского менталитета, для которых была характерна взаимная «неприязнь» и даже «ненависть», а с другой — во взаимоотношениях французского и русского менталитетов, для которых была характерна взаимная терпимость, выражавшаяся в том, как писал А.И. Герцен, что почти все историки того времени были вольтерьянцами или материалистами, если не франкмасонами. Эта философия прививалась русским с тем большей легкостью, что уму их была присуща «трезвость и ирония», столь характерная для французов. Вот почему русское дворянство усваивало французскую, а не немецкую культуру.